

Н.В. Соколюк

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ РОДИТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Представлен социально-философский анализ родительства в изменяющихся социокультурных условиях с применением гендерной методологии, а также рассмотрены возможные пути разрешения противоречий в этой сфере, вызванные трансформацией социального пространства.

Ключевые слова: родительство, материнство, отцовство, семья, семейно-брачные отношения, гендерные стереотипы.

Специалисты, занимающиеся исследованием социальной трансформации в России, справедливо называют семью центром формирования гендерных отношений [3, с. 10]. Как социальный институт семья вплетена в систему общественных отношений и выполняет ряд функций, наиболее важными из которых являются воспроизводство и воспитание последующего поколения, воспроизводство общественно значимых ценностей. Через семью транслируются следующим поколениям представления о женственности и мужественности, гендерные стереотипы и нормы, определяющие поведение мужчин и женщин, в том числе и как родителей. Проблемами воспроизводства и родительства в России занимаются в основном социологи, демографы. Философы же в целом хранят «заговор молчания» относительно женских проблем, материнства, отцовства, несмотря на серьезность и болезненность трансформаций, происходящих как в обществе, так и в сфере семейно-брачных отношений. Исследователи предполагают, что в таком умолчании сказываются традиции нашего философского менталитета и этико-правовая незрелость российского сознания перед лицом обрушившихся проблем [24, с. 270].

Сегодня, к сожалению, в отечественных научных журналах гендерное направление снижает свои темпы и является, по сути, маргинальным. Как

справедливо замечает Н.М. Римашевская, в отличие от Запада в России не было периода массового усвоения гендерного сознания в силу фактического отсутствия гражданского общества. Более того, имел место определенный шаг назад, произошедший в первой половине 1990-х гг., названный периодом «ренессанса патриархатности» [16, с. 65]. Среди основных препятствий в деле продвижения гендерного равенства в сферу родительства можно выделить существование патриархатных стереотипов в отношении роли женщины в обществе, ее ответственности за семью и воспитание детей и т. п.), что, кстати, блокирует личную и профессиональную самореализацию женщин, необходимую, по мнению автора, для воспитания востребованной обществом личности. Те же патриархальные традиции оказывают стрессовое влияние на мужчин, ограничивая их участие в воспитании детей, домашней работе и др. Кроме того, возрастание роли церкви в жизни граждан с акцентом на ответственность женщин за семью, взаимосвязь эмансипации женщин с упадком ценностей семьи и т. д. также затрудняют процесс гендерного образования и просвещения.

Автор исходит из предположения, что родительство не является биологически заданным, а представляет собой социальный конструкт, зависящий от социально-экономических и политических условий, в которых осуществляется родительство, т. е. на его формирование оказывают влияние другие социальные институты общества, сложившиеся культурные традиции воспитания детей, существующий гендерный порядок, а также модели семейной политики. «Материнская забота и привязанность к ребенку, – пишет М. Мид, – очевидно, настолько глубоко заложены в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только очень сложные социальные установки могут полностью подавить их» [12, с. 314]. Например, если общество высоко ставит принцип законнорожденности, то может произойти серьезное расстройство материнских чувств, и мать незаконнорожденного ребенка способна его бросить или даже убить. Проблема родительства, по мнению Мид, должна

по-разному ставиться для мужчин и женщин. Если поведение мужчины-отца относительно заботы о детях является результатом научения, а не врожденным, и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его сохранению, то женщины по самой своей природе являются матерями, разве что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств.

Проблемы родительства в трансформирующемся обществе следует рассматривать, используя гендерную методологию, чтобы понять, насколько родительство является глубоко природным или сконструированным феноменом. Экономические и социокультурные изменения, произошедшие в последние десятилетия, показали существенную ограниченность эссенциалистского подхода к пониманию родительства, поскольку он не дает возможности адекватно объяснить произошедшие трансформации и видит его как аскриптивные, биологически детерминированные, неизменные роли. В этом отношении социальный конструктивизм как общая теоретико-методологическая рамка исследования подчеркивает динамический характер материнства и отцовства.

Вплоть до XVIII в. в западноевропейской философии родительство рассматривалось в контексте традиционных семейно-брачных отношений, базирующихся на онтологической вторичности женщины. При этом женщина-мать выполняла лишь функцию биологического родительства, в то время как социальное родительство закреплялось за отцом, заботящемся о духовном здоровье и социальном предназначении своих детей. Вопрос гендерной асимметрии в сфере родительства не мог иметь место, ибо в условиях укорененности в философской мысли традиционных взглядов на мужчину и женщину, их роли в семье и обществе, ставил бы под сомнение то, что считалось неоспоримым а priori, само собой разумеющимся: основной смысл женского бытия состоит в том, чтобы служить семье, т. е. рожать и воспитывать детей, заботиться о муже и престарелых. И этот смысл

определен самой природой, наложившей на женщину, а не на мужчину репродуктивные функции.

В эпоху Просвещения философы, наконец, признали равенство природы мужчины и женщины: «Во всем, что не относится к полу, женщина равна мужчине; она обладает теми же органами, теми же потребностями, теми же способностями» [17, с. 546]. Однако, несмотря на прогрессивность философских идей, признающих природное равенство полов, просветители, тем не менее, отказались признать женщину субъектом истории, ссылаясь на теорию «естественного права», трактовавшую ее значимость только как продолжательницы рода человеческого. А потому необходимость образования и воспитания женщин мыслители либерального толка связывали с необходимостью развития их специфических качеств для полноценного материнства.

Родительство, полагал Ж.-Ж. Руссо, представляет собою форму общественного договора между волей каждого индивида и общей волей. Проблема состояла в понимании причин, по которым субъектам необходимо вступать в договорные отношения, т. е. отношения супружества и родителей – детей. Индивид, объективно отождествляющий свой интерес с интересами законодателя (родителей, мужа), соглашающийся с общей волей вне учета в каждом отдельном случае своих потерь и преимуществ, становится моральной личностью, поступки которой мотивируются, скорее, общими принципами, чем посредническими импульсами природного человека или выгодами социального субъекта. Именно так можно расценивать первый принцип, утверждаемый Руссо – в жизни следует руководствоваться разумом, а не сердцем. В этом вопросе не обойтись без родительских указаний, в которых детям предписываются определенные типы поведения: «Дочь моя, руководствуйся разумом и не отдавайся влечениям сердца. Доколе ты будешь сохранять хладнокровие, ты можешь быть своим собственным судьей, но коль скоро ты полюбишь, доверься всецело своей матери» [17, с. 607]. Следовательно, в семье должен доминировать

целенаправленный, рациональный субъект, обеспечивающий в ней разумное выражение закона и общей Воли. Эту задачу и должны решить путем жестких ограничений родители и наставники. В романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» Наставник, как выразитель общей воли, заявляет: «Я отказался бы его воспитывать, если бы не властен был женить Эмиля по его собственному выбору, то есть по моему» [17, с. 614]. Свобода выбора остается за тем, кому принадлежит реальная власть: сначала родителям или наставникам, выполняющим миссию родительства, а затем мужу, как гражданину и представителю семьи в социуме.

Таким образом, понятие родительства у Руссо приобретает два значения. Во-первых, это традиционное представление о материнстве и отцовстве, к характеристикам которых Руссо подходил с позиции «естественных, врожденных» качеств полов, и, во-вторых, – это широкое понимание, включающее отношения между супругами, основанные на природной власти рационального мужа-отца и природной жены-дочери.

Общие принципы родительских обязанностей, изложенные в «Эмиле, или О воспитании», распространяются одинаково на детей обоего пола. А значит, декларирует Руссо, и мужчине, и женщине должно позаботиться о своем умственном развитии, в первую очередь для качественного исполнения природных родительских обязанностей. Очевидно, что в вопросах родительства Руссо стремился к эгалитаризму и пытался поднять вопрос о равноправии полов, в то же самое время ограничивая его рамками существующей социальной и политической структуры общества. Заявляемые им принципы природного равенства полов приобретают явные различия, как только речь заходит о социальных качествах. Женщина равна мужчине по природе, но равенства прав полов быть не может.

Приоритет отца в родительских отношениях Руссо обосновывает способностью мужчин с момента наступления отцовства заменять внешний контроль наставника внутренней самодисциплиной, позволяющей мужскому субъекту устранить несовпадение между универсальной общей Волей и

эгоистической индивидуальной волей. В этой связи он фокусирует внимание на разумных, дистанцированных и даже холодных отношениях между отцами/воспитателями, от которых зависит формирование здоровой самодостаточной и свободной личности или создание раба, и сыновьями. Если эти отношения успешны, то родитель создаст счастливых и автономных граждан, каковыми могут быть только мужчины. Руссо полагает, что дети должны повиноваться отцу сначала из необходимости, затем из благодарности. При этом он отмечал, что отец физически сильнее детей и пока они нуждаются в поддержке, отцовскую власть можно считать установленную самой природой для их же пользы. Однако вряд ли можно отрицать, что и женщина-мать руководствуется разумом, а не эгоистическими побуждениями, когда принимает на себя ответственность за физическое и нравственное состояние будущего гражданина. Ее разум также направлен в сторону общей Воли.

Что касается воспитания девочки, то главная забота родителей, как считает Руссо, – подготовить ее к будущей семейной жизни, для чего следует умело направить ее природу в нужное русло. Девочка, а потом женщина существо импульсивное, а потому не до конца самостоятельное и справедливо исключенное из социальной жизни. Основным принципом, которым обязаны руководствоваться родители и юная девушка – выбор супруга, обладающего главным достоинством – способностью к руководству её поведением и воспитанием их детей, определением домашних правил ведения хозяйства, выбором друзей и знакомых и т.д. Богатство, материальное благосостояние играют здесь вторичную роль [17, с. 614]. Таким образом, наделяя мужчин и женщин разными статусами, Руссо поневоле делает вывод о моральной недостаточности матери по сравнению с отцом, несмотря на то, что Природа для него представляет высшую ценность, а материнство ее тождество. Руссо признает, что и женщина-мать обладает врожденной способностью управлять. Но власть матери над детьми основана на кротости, ловкости и любезности [17, с. 615]. Этот идеальный образ мать

должна сформировать в сознании дочерей и научить их всем навыкам, которые подтвердят этот идеал.

Материнское чувство Ж.-Ж. Руссо рассматривал как основной способ выражения женской сексуальности и ролевой паттерн, на который и должна равняться «истинная» женщина, если она желает заслужить уважение мужа и общества. Сомневаясь в способности женщины к нравственному выбору (этой естественной основе гражданственности), Руссо назначал ей хранить верность своему избраннику, рожать и воспитывать его детей. Достоинство женщины он видел в хозяйственных заботах и поглощенности детьми.

Руссо заявляет, что женщина, как существо более природное, чем мужчина, приспособлена к выполнению биологических функций (функции, в которые вовлечены другие животные) в большей мере, чем разумный, гуманный, «экономический человек». Из этой посылки следует, что женщины занимаются деятельностью, не являющейся гуманной, «человеческой», в то время как вытекающая из общественного договора рациональная культурно-творческая деятельность признается мыслителями Нового времени гуманной, человеческой. Но исследователи отмечают очень сильную разницу между материнством женщин и материнством, наблюдаемым у животных. По словам Вирджинии Хелд, первое отличается от второго так, как «работа» и «речь» людей отличаются от «работы» и «речи» животных [25, с. 263 – 264]. «Человеческое» материнство формирует язык и культуру, социальную общность. Оно развивает мораль, а не обучает технике выживания; учит терпимости к другим на основе нравственности, а не наставляет ребенка следовать одним инстинктам. «Человеческое» материнство создает личность, а не только продолжает вид. Поэтому оно, безусловно, представляет собой творческую деятельность, подобную другим видам деятельности. Думается, что создавать нового человека не менее, а скорее, более важно, чем создавать что-либо другое — продукты, предметы и т. д. Материнство включает в себя не только вынашивание, рождение и вскармливание ребенка, но и заботу, ответственность за здоровье ребенка,

его образование, усвоение им определенных ценностей, его будущий социальный статус, т. е. все то, что может и должен делать и отец, а не только мать. Можно сказать, что родительство сродни творчеству, это созидание социальных личностей, включенных в исторический процесс, а не повторяющийся биологический цикл, как считал Ф. Энгельс и многие другие исследователи. Кроме того, родительство — это не просто односторонний процесс формирования нового человека — родители проходят в этом процессе ресоциализацию.

Наряду с новыми идеями относительно равенства мужской и женской природы первые феминистки, отрицая моральную недостаточность женщины, выступили с вопросами о необходимости образования женщин, равных юридических прав и требованием изменить отношение общества к матерям и женам. Впервые была сформулирована проблема необходимости рассмотрения материнства и женского домашнего труда как общественной обязанности. В частности, Мэри Уоллстонкрафт в своей книге «В защиту прав женщин» [21] подвергла критике мыслителей, которые одновременно говорили о равенстве «природы» мужчин и женщин и об их «естественных» различиях, приписывая всем женщинам слабость, кокетство, стыдливость, а всем мужчинам — силу и агрессивность. Она считает, что если женщины по своей природе и ниже мужчин, то их добродетели пусть не по степени, но в качественном отношении должны быть те же, что и у мужчин (в противном случае добродетель есть понятие относительное). Соответственно, и поведение женщин должно основываться на одинаковых принципах с мужским и иметь ту же цель. Она объясняет неравенство между мужчиной и женщиной социальными предрассудками и системой воспитания, поддерживаемой родителями, поскольку отношения между ними строятся на зависимости и подчинении. Родители, по мнению Уоллстонкрафт, обязаны учить девочек, «ограждая их здоровыми, возвышенными жизненными принципами, и пусть женщины, обретя достоинство, почувствуют себя зависимыми лишь от Господа Бога» [21, с. 34]. Она настаивала на переоценке

женских домашних обязанностей, утверждая, что материнство, исполняемое надлежащим образом, следует рассматривать как общественную обязанность, а не как источник личного удовлетворения или страдания. Сформулированная ею проблема заключается в том, что в обществе, где домашние обязанности не оплачиваются, остается и экономическая зависимость женщины от мужа.

Идеи Просвещения оказали влияние и на философию Дж. Милля [13]. Однако, в отличие от просветителей он не сторонник «природности» и предзаданности поведенческих ролей. Милль приходит к осознанию социальных корней рабства и мужского доминирования. Он считает, что существующие в нашем обществе стереотипы и социализация женщин препятствуют им в выполнении других ролей, кроме как жены, матери и хозяйки. Следует заметить, что подобных взглядов придерживаются и современные феминистские философы [7, с. 77 – 87], занимающиеся поиском путей достижения равенства возможностей для мужчин и женщин, в том числе и как родителей.

Милль уверен, что приписывание женщинам традиционных ролей матери-дочери, матери-подчиненной является варварским реликтом исторического прошлого, а не результатом естественного развития. Как и Руссо, он предполагает, что система неравноправных отношений мужчины и женщины, а вместе с ними и разделение функций отца-/воспитателя/наставника и матери, исполняющей роль няни, сиделки и т. д., «возникла в то время, когда человечество, будучи еще в младенческом состоянии, оценивало женщину соответственно ее мускульной силе и ввиду слабости последней подчинило ее мужчине. Таким образом, закон уже застал женщину в подчиненном состоянии» [13, с. 199].

Милль, по сути, признавал неизбежность и необходимость для женщины заниматься домашней работой и то, что работающая жена только отнимает у себя возможность заботиться о детях и хозяйстве. Отчасти можно согласиться с ним, но лишь в том, что работающей женщине сложно

совмещать общественную жизнь с семейными ролями жены, хозяйки и матери. Он пишет: «Всякое постороннее занятие, редко освобождая от повседневных трудов, только мешает ей исполнять их как следует. В заботах о доме и детях, ее никто заменить не может. Лишенные забот матери, дети растут как случится, без всякого направления...» [13, с. 233]. Вопрос о разделении родительских обязанностей и ответственности за воспитание детей между отцом и матерью не стоит. Это позволяет предположить, что понятие «родительство» относится только к женщине и тождественно понятию «женское материнство». Милль считает, что только мать может правильно ориентировать своего ребенка в процессе воспитания. По-видимому, он и сам находился под влиянием гендерных стереотипов, сформированных обществом на протяжении всей человеческой истории.

И хотя Милль высказал идею, что у женщин как социальной группы могут быть свои интересы, отдельные от интересов мужа или семьи, тем не менее, его позиция снижает ценность женского материнства и семьи в целом и пригодна лишь для незамужних женщин и вдов. Кроме того, Милль недооценивал как женский домашний труд, считая эту работу утомительной и несерьезной, так и женскую репродуктивную деятельность. Он не задумывался о том, что воспитательная роль женщин могла бы стать основанием для ее возвеличивания.

В концепции Милля, по нашему мнению, привлекает образ идеальной семьи, отношения внутри которой, как пишет мыслитель, «должны быть основаны на симпатии, равенстве, привязанности без господства – с одной стороны и подчинения – с другой. Такая семья выработала бы качества, необходимые для общежития и доставила бы детям естественный пример тех чувств и поступков, которые теперь внедряются в них насильственно, путем послушания. Нравственное воспитание человечества до тех пор не будет соответствовать тем условиям жизни, которые подготовлены прогрессом, пока в семьях не будут руководствоваться теми же принципами, которые необходимы для правильной организации общества» [13, с. 230]. Однако

следует подчеркнуть: требуя равенства между мужчиной и женщиной, критикуя отношения в семье, основанные на господстве и подчинении, где родители приказывают, а дети повинуются, Милль в то же время разделяет понятия «материнство» и «отцовство», рассматривая их как неравные и неравнозначные категории.

В отличие от западной, в русской философской традиции дифференциация мужского и женского начал рассматривается как духовный, а не онтологический или гносеологический принцип. В философии Вл. Соловьева [18] Бог – мужское начало, что вполне традиционно. Но «душа мира» в духе средневековой мистики ассоциируется у него с образом Вечной Женственности, с Премудростью, с Софией. Очевидно, что ассоциация феминного начала с мудростью – весьма нетрадиционна. В этом смысле Соловьев создает иную метафизическую концепцию мира, в котором женское начало (в противоположность рационализированной европейской философии) играет едва ли не первичную онтологическую роль. Божественное, духовное начало, ассоциируемое с феминным, позволяет признать достаточно высокий статус женщины в семье и в общественном мнении. Однако, как показали исследования, это больше декларируется, чем учитывается в реальных социальных теориях и самой жизни, что приводит к мысли о неравноценности материнской и отцовской ролей. Образ женщины, значимость ее качеств не совпадал с реальными социальными нормами и отношением к ее предназначению, материнским обязанностям воспроизводства рода, о чем свидетельствуют современные исследования Н.Л. Пушкаревой, И.Ю. Мартиановой и др., которые показали, что в XVIII — первой половине XIX в. в дворянской семье мать и детей разделяли этикетные отношения, ограничившие возможность установления тесного эмоционального контакта во многих семьях. Большую значимость имели не семейные, а родовые отношения. И это не случайно. Личностно-эмоциональные отношения матерей к детям не помогали объединению значительного числа дворянских семей, поэтому общество не приветствовало

в женщине чрезмерного увлечения материнскими обязанностями, рассматривая это фактически как девиантное поведение. С материнскими чувствами не считались, а восприятие ребенка как существа неполноценного определяло невнимание к его потребностям, здоровью, что часто приводило к травматизму или гибели. [10, с. 17 – 25].

Подобные взгляды на материнство и детство характерны и для Л.Н. Толстого, отказывавшегося признавать детей как «благословенье божие» или радость. «Ведь это всё ложь. ... Дети – мученье, и больше ничего... Спросите у большинства матерей нашего круга достаточных людей, они вам скажут, что от страха того, что дети их могут болеть и умирать, они не хотят иметь детей, не хотят кормить, если уж родили, для того чтобы не привязаться и не страдать... Взвесив выгоды и невыгоды, оказывается, что невыгодно и потому нежелательно иметь детей» – пишет он [19, с. 132 – 133]. Дети постоянно болеют или что-то требуют, поэтому их присутствие, по мнению Толстого, не только не улучшает нашей жизни, но отравляет её. Это для курицы дети не мученье, а радость, а для матери и отца – сплошная мука, считает Толстой, осуждая женщину за чрезмерную заботу о детях и постоянный страх за их здоровье. Потребность матери кормить, лелеять и защищать ребенка он называл животной потребностью. Кроме того, он рассматривал детей как средство и предмет раздора между супругами. [19, с. 133 – 135]. Однако с такими выводами Толстого нельзя согласиться. В его рассуждениях проявляется озабоченность в большей степени тем, что женщина, свободная от беременности и кормления, уходит из-под власти мужа-господина, что вызывает в мужчине ревность (и даже ненависть) и вносит значительный дискомфорт в его жизнь. В женской заботе о детях Толстой усматривает не любовь, а эгоизм, хотя понимает, как трудно бывает женщине-матери, особенно, если дети болеют. Однако поставить вопрос о справедливом распределении родительских обязанностей Толстой не считает нужным. Он не оценил значимость детей в реализации внутренней потребности человека в любви. Ведь дети не только отнимают у родителей

время, здоровье, они многое дают не только матери, но и отцу, позволяют, пережить рождение и рост ребёнка как величайшую мистерию любви и творчества. М. Эпштейн упрекает Вл. Соловьева в том, что он родительскую любовь отождествляет с материнской, ни словом не упоминая об отцовской любви, что опять-таки говорит о физиологической ограниченности родительских чувств. Эпштейн пишет, что если в муже-женских отношениях господствует эрос, стремление одной половины к другой для образования целого и высшего, то любовь родителей к детям есть любовь от большого к меньшему, от целого к части. Это дарящая любовь. Она одновременно возбуждает любовь в другом человеке и усиливает ощущение полноты жизни, способствует самообновлению и самообогащению [23, с. 70 – 73].

Теоретики русского феминизма не были в полной мере последователями европейских либералов и внесли свою лепту в теорию эмансипации, разработанную в контексте русской культуры, доказывая право женщины на личностную самостоятельность. Подвергнув критике традиционное понимание «женского долга», жертвенности, любви и сексуальности, они видели решение проблем родительства за счет широкого применения общественного воспитания детей, обобществления домашнего труда, создания государственной системы поддержки материнства и детства и передачи государству значительной части материнских функций. Их идеи стали основой семейной политики советского государства. В связи с этим необходимо отметить А. Коллонтай [9]. Подчеркивая антиобщественные черты традиционной семьи как транслятора буржуазных ценностей, она выступала в защиту коллективного воспитания детей и создания общественной службы быта, считая необходимым снять с женщины все тяготы домашней работы, в том числе по воспитанию потомства, и предлагала создать государственную систему поддержки материнства и детства, как одно из возможных решений проблемы родительства.

По мнению Коллонтай, грандиозная эволюция хозяйственных отношений, перевернувшая все прежние устои социально-экономических

отношений, непосредственно отразилась на организации семьи, вызвав быстрое разложение прежних ее форм. Когда-то семья (род) представляла собой хозяйственную единицу и благодаря совместному пользованию главнейшим тогда орудием производства – землей, могла производить все необходимое для своих членов. Забота о потомстве, содержание, воспитание, обучение его входили в естественный круг ее неотъемлемых обязанностей, ведь для своего экономического и социального процветания семья нуждалась в постоянном притоке свежих рабочих рук. Поэтому, считает Коллонтай, нет ничего удивительного, что в то время ответственность за потомство ложилась на семью, она одна несла тяготы по содержанию и воспитанию подрастающего поколения. А поскольку семья, как производительная единица, обеспечившая своих членов всем необходимым, отошла в область истории, «теперь не только отец, но и мать все чаще работают не на семью, а вне ее, на рынок, обслуживая своим трудом не кровных родственников, а совершенно посторонних потребителей товарного рынка... забота о новом поколении должна лежать на той хозяйственной единице, на том социальном коллективе, который в нем нуждается для своего дальнейшего существования» [4, с. 133 – 134]. Однако государственные власти пытаются стряхнуть с себя всякую ответственность за жизнь младенцев и рожаящих их матерей, предпочитая пользоваться готовыми рабочими руками, при этом навязывая частносемейной организации те обязанности, которые она несла когда-то, на более ранней ступени хозяйственного развития человечества. Коллонтай отмечает также, что такое противоречивое положение вещей могло сложиться только исторически, а значит истории необходимо исправить это противоречащее здравому смыслу положение, постепенно усиливая попечение коллектива о судьбе младенцев и самих матерей. В идеях мыслительницы наряду с обеспокоенностью за миллионы детских жизней, погибающих от отсутствия должной охраны и полной необеспеченности материнства, звучит мысль о том, что дети – это не только

будущие производители, но и столь желанные для государства плательщики налогов.

В целом, размышления Коллонтай сводятся к тому, что в основе всей материнской проблемы лежит конфликт несовместимости профессионального труда женщины и материнства. В то же время, стремление сохранить за изжившей формой семьи ее былые обязанности влечет за собой, по ее мнению, самые невыгодные для интересов всего общества результаты: оно способствует умышленному понижению рождаемости и увеличивает норму детской смертности. А поскольку дети, особенно для малообеспеченной части населения, являются непосильным бременем, что затрудняет достижение известного уровня благосостояния, то впору придерживаться «бездетной системы». Выход видится в «революции быта», суть которой заключается в том, что «кухня, закабалившая женщину еще в значительно большей мере, чем материнство, перестает быть необходимым условием существования семьи... «Отделение кухни от брака» – великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере – в исторической судьбе женщины» [5, с. 231]. Кроме того, по мнению Коллонтай, необходимо снять все заботы, связанные с материнством и передать их коллективу, признав тем самым, что воспитание детей выходит из рамок частно-семейного уклада и становится институтом социальным, частно-государственным. В ее концепции индивидуальное воспитание допускается все меньше, откровенно звучит мысль о том, что дети воспитываются родителями не для себя и не для них самих, а для страны; не как наследников, а как работников социалистического государства. Она пишет: «Социальная обязанность материнства заключается в том, чтобы прежде всего родить здорового и жизнеспособного младенца... Вторая обязанность женщины, с точки зрения социальной задачи материнства, самой выкормить грудью младенца» [5, с. 236]. Материнство, как видим, сводится исключительно к биологическим функциям деторождения и вскармливания, функция социализации практически

полностью передается государству, а общество несет основную ответственность за воспитание ребенка.

Следует заметить, что впервые идея общественного воспитания была высказана Н.К. Крупской еще до революции, в работах, где, как пишут исследователи, она, по сути, говорила о снятии заботы о воспитании детей с родителей на общество и о полном государственном обеспечении детей через систему детских учреждений: детских садов и школ [22, с. 158]. Идея обобществления воспитания была одной из центральных в семейной политике советского государства. Эту идею поддерживал и А.В. Луначарский, считавший главными воспитателями детей нового социалистического общества родителей — а именно мать, и государство — в лице школы. Но в связи с большой занятостью мать не может дать нормального воспитания своим детям, «она нервничает, дает своим детям подзатыльники... и дети бегут на улицу...», что не особенно полезно для них [8, с. 107]. Поэтому в их воспитании Луначарский отдает предпочтение не семье, а школе, игнорируя при этом роль отца в становлении и развитии личности будущего гражданина.

Противоречивая советская государственная политика в отношении семьи носила патерналистский и пронаталистский характер, т. е. была направлена, во-первых, на поддержку женщины-матери, создание условий для совмещения женщиной трех ролей: работницы, матери и хозяйки дома, при этом роль мужчины как отца маргинализировалась; во-вторых, нацелена на решение демографических проблем. Это позволяет сделать вывод о том, что гендерная асимметрия в семейной сфере сохраняется, а родительство по-прежнему рассматривается как родительство-материнство.

Либерализация позднесоветских и современных гендерных отношений заключается в том, что женщины получили возможность выбора — работать, быть женой и матерью или совмещать обе эти роли. По мнению исследователей, важным по сравнению с советским периодом является то, что женщины могли освободиться от предписанной государством

необходимости профессиональной занятости и выбрать материнство как сферу для своей реализации (хотя для достаточно большого количества женщин свобода от работы была вынужденной в связи с сокращением рабочих мест, увольнением и безработицей) [22, с. 195]. Изменение позиции государства в отношении семьи, предоставление ей большей независимости предполагает, что супруги возьмут на себя основную ответственность за благосостояние семьи и заботу о детях. При этом государство перестает выполнять роль главного патриарха, ожидая, что мужчины примут традиционные мужские обязанности, которые были ранее монополизированы, а теперь оставлены государством. Однако длительная советская традиция отчуждения мужчин от их семейных и родительских обязанностей привела к тому, что для многих из них выполнение патриархальной роли является проблематичным и этот вопрос решается в зависимости от социально-экономического статуса и индивидуального выбора мужчины.

Динамичность и экспансивность современного общества требуют решения вопросов подготовки детей к жизни в новом обществе. Данная проблема неотделима от выявления роли родителей в воспроизводстве качественного человеческого капитала.

Отметим, что деторождение (как и смерть) следует рассматривать как человеческий акт, включающий в себя всю систему социальности. Свобода выбора женщиной материнства (как и признание мужчиной отцовства) осуществляется под влиянием существующих в обществе норм. Требования, предъявляемые к современному человеку достаточно обширны. Идеальный человек сегодня должен быть образованным, здоровым, социально компетентным, ответственным, толерантным по отношению к другим взглядам, с устойчивой системой нравственных норм. То есть он должен быть, с одной стороны конкурентноспособным в условиях глобальной экономики, с другой – способным противостоять влиянию отрицательных последствий массовой культуры и сохранить свои личностные качества.

Формирование такого человека предполагает рефлексию обязанностей родителей, отношений как между самими родителями, так и между родителями и детьми. Современные общественные задачи актуализируют вопросы родительских ценностей в процессе социализации, эффективность родительских практик.

Некоторые исследователи считают, что общество в угоду удовольствиям потеряло семью, и отчасти с таким выводом можно согласиться, учитывая современное состояние семьи. Но, например, П. Бьюкенен, описывая негативные реалии современной жизни, для объяснения происходящих событий обращается не к закономерностям исторического развития, а, как и Ч. Томас Филлипс, создает образ внешнего и внутреннего врага в лице марксистского заговора и феминизма [1; 20]. Вряд ли именно марксизм и феминизм вызвали кризис семьи и родительства. Ведь сам феминизм, как справедливо отмечает Н.С. Юлина, «по большому счету порожден объективными и анонимными цивилизационными процессами. Именно они детерминируют массовый приток женщин в профессиональный труд и создают болезненные дилеммы и проблемы, которых не было в прошлом» [24, с. 267].

Трансформация старых социальных связей, формирование новых, адекватных рынку гражданских отношений, присущих новому времени, потребовала от человека и новых качеств, таких как независимость, активность, инициативность и др. Вряд ли такие качества могут быть воспитаны в семье, где родственные связи и отношения строятся на безоговорочном послушании и зависимости. Если изменяется мир, изменяются требования к человеку со стороны общества, то соответственно должны измениться и отношения между родителями и детьми.

В то же время, в реальности происходит возрождение и укрепление традиционного распределения семейных ролей, восстанавливается и укрепляется власть и авторитет церкви с ее традиционными взглядами на место женщины в обществе. Обеспокоенность русской православной церкви

относительно нравственного и духовного упадка современного общества (в чем немалую роль сыграли СМИ) понятна. Однако, «высоко оценивая общественную роль женщин и приветствуя их политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами», РПЦ одновременно отрицает «равенство» в отношениях между полами в семейной сфере, поскольку это, якобы, приводит к разрушению природных качеств женщины, и она забывает свое истинное предназначение — быть матерью и помощницей мужу. «Ведь ни обладание высокими постами, ни успешная карьера — ничего из этого никогда не сможет заменить ей тихого семейного счастья, счастья любить и иметь опору в лице мужа, счастья рожать и воспитывать детей» [14, с. 49 из 82; 15, с. 23].

Следует заметить, что в этом случае христианство не учитывает, во-первых, желание и потребности самой женщины, тем более что не все из них по разным причинам могут выйти замуж, даже если очень этого хотят; во-вторых, тот факт, что образованная женщина-мать, реализующая себя в профессиональной сфере, в плане познания мира и раскрытия личностного потенциала будущего гражданина способна дать ребенку гораздо больше, чем мать-домохозяйка, и, в-третьих, церковь не учитывает современные потребности детей. Ребенок хочет видеть в матери личность и гордиться ею. По меткому выражению К. Юнга: «Никто не в состоянии воспитать личность, если он сам не является личностью». Можно сказать, что развитие личностной зрелости родителей возможно на основе равенства статусов матери и отца, толерантного отношения их друг к другу и к детям, и реального признания общей ответственности как за своих детей, так и за будущее поколение в целом.

В любом случае, предлагая определенные идеалы и ценности, на которые следует ориентироваться мужчине и женщине, матери и отцу при создании семьи, рождении и воспитании детей, исследователи должны в той или иной мере учитывать как особенности российского общества, так и требования современного мира в целом. Появление форм, отличных от

доминирующего традиционного типа семьи, свидетельствует о сохраняющейся ценности семьи и ее приспособлении к общественным переменам. Чтобы адекватно оценивать формирующийся институт родительства в соответствии с изменившимися условиями, необходимо поддерживать не только традиционные семейные ценности и установки, но и не сбрасывать со счетов и новые нормы, которые складываются как в практике, так и в теории семейно-брачных отношений.

В условиях меняющегося общества гендерные стереотипы в сфере родительства зачастую становятся тормозом при усвоении новых жизненных реалий. В частности, традиционные представления об отцовской роли препятствуют развитию ответственного отцовства, которое только появляется. Для гармоничного развития ребенка желательнее больше усилий со стороны отца, затрачиваемых на то, чтобы быть ближе, совместно переживать и познавать мир. И хотя изменение сознания мужчины в сторону гендерного равенства и справедливого распределения родительских ролей происходит очень медленно, тем не менее, постепенно на смену старым отношениям в семье, ценностям и культурным нормам приходят новые. В семье наблюдается активный процесс эгалитаризации и демократизации внутрисемейных отношений, которые все чаще строятся на основе партнерства, признания за каждым членом семьи, в том числе и за ребенком, права на автономию, инициативу и свободу. Изменяется эмоциональный настрой отношения родителей к детям. Следует признать, что центральная роль главы семьи, его непререкаемый авторитет ушли в прошлое. Если раньше на детей могли смотреть как на полезный элемент в домашнем хозяйстве, как на средство, то в настоящее время, благодаря развитию личностного начала, гуманистических идей и толерантности, ребенок рассматривается как самоценность.

Для того чтобы в современной семье оба родителя могли реализовать в полной мере свои родительские функции, необходима не только перестройка ролей и отношений в семье, но и иные модели соотношения рынка и

социального государства. По мнению исследователей, примером может служить Скандинавская социально-демократическая модель семейной политики, ориентированной на создание оптимальных условий для граждан с семейными обязанностями возможности совмещения их профессиональных и родительских ролей. В этом случае, как материнство, так и профессиональная деятельность становятся частью гендерного контракта «работающая мать». В то время как в рамках консервативной семейной политики женщины оказываются перед выбором между традиционным материнством и возможностью самореализации за пределами семьи, поскольку данная модель не предоставляет поддержки и возможности для совмещения этих двух ролей [22, с. 245 – 246]. В Скандинавии публичный дискурс направлен на то, чтобы сформировать ответственное отцовство в качестве нормативной модели, когда отец должен стать таким же «ответственным» родителем, как и мать, разделять социальную заботу и ответственность за детей с матерями.

В то же время, автор считает, что в случае выбора женщиной «карьеры» жены, матери и хозяйки, общество должно уважать ее решение и труд, если супругов устраивает такое разделение семейных и родительских обязанностей, при котором роль кормильца закреплена исключительно за мужчиной, а мать занимается домашним хозяйством и воспитанием детей. Свидетельством ее уважения могло бы стать уравнение труда матери-домохозяйки с общественным трудом. К сожалению, неоплачиваемый труд женщин по воспитанию детей пока не рассматривается как вклад в национальное богатство страны, особенно в условиях демографического кризиса и убывающей численности населения, и, как отмечается в «Гендерной стратегии Российской Федерации», «недооценивается роль родительства, отцовства, влияние которого в семье не восстановлено до сих пор в нужном объеме» [2, с. 106 – 107].

Комплексный гендерный подход [6] как один из возможных путей решения проблем родительства, повышения его ценности в условиях

трансформирующегося общества и преодоления противоречий в семье включает интеграцию вопросов равенства между полами в общий контекст социальной жизни с акцентом на социокультурные, а не биологические различия между полами. Гендерная интеграция направлена на изменение стереотипов в обществе, критический пересмотр традиционных норм и правил «женского» и «мужского» поведения в различных сферах общества и формирование новых норм взаимоотношений как между родителями, так и между родителями и детьми. С точки зрения целей и ценностей, гендерная интеграция может быть определена как стратегия сотрудничества, что предполагает признание ценности каждой личности, создание условий для саморазвития как мужчины, так и женщины, что позволит им как родителям внести полноценный вклад в «человеческий капитал» общества и будет способствовать изменению отношений между родителями и детьми на основе толерантности и уважения к личности ребенка. Конечно, все это потребует обширных и затратных государственных программ, социально, морально и экономически поддерживающих семью и ее деятельность, связанную с рождением и воспитанием детей, а равно и утверждающих важность отношений между родителями и детьми.

Литература

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж Бьюкенен. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 444 с.
2. Гендерная стратегия Российской Федерации // Комплексный гендерный подход – стратегия трансформации экономической и социальной политики в России. Материалы научно-экспертного семинара. Москва, 23 апреля 2004 г. – М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005. – С. 105 – 131.
3. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О.М. Здравомыслова // М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.

4. Коллонтай А. Общество и материнство / А. Коллонтай // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай. – Тверь: Феминист Пресс – Россия, 2003. – С. 125 – 139.

5. Коллонтай А. Революция быта / А. Коллонтай // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай. – Тверь: Феминист Пресс – Россия, 2003. – С. 230 – 239.

6. Комплексный гендерный подход – стратегия трансформации экономической и социальной политики в России. Материалы научно-экспертного семинара. Москва, 23 апреля 2004 г. – М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005. – 160 с.

7. Лори Шрейг. Равенство возможностей // Россия в XXI веке: экономика, политика, культура. – Владивосток: ВГУЭС, 2002. – № 1(4). – С. 77 – 87.

8. Луначарский А.В. О социальном воспитании / А.В. Луначарский // Гендерология и феминология. Хрестоматия. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – С. 105 – 108.

9. Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай. – Тверь: Феминист Пресс – Россия, 2003. – 299 с.

10. Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII — первой половине XIX в.) / И.Ю. Мартианова // Женщина в российском обществе, 2008. – № 2(47). – С. 17 – 25.

12. Мид, М. Отцовство у человека – социальное изобретение / М. Мид // Культура и мир детства. – М.: Мир, 1988. – С. 308 – 321.

13. Милль, Дж. Подчиненность женщины / Дж. Милль // Гендерология и феминология. Хрестоматия. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – С. 196 – 274.

14. Основы социальной концепции русской православной церкви. – Режим доступа: URL <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> [Дата обращения: 29.03.09] – 82 с.

15. Православная женщина в современном мире. М.: «Центр Благо», 2000. – 48 с.
16. Римашевская Н.М. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений / Н.М. Римашевская // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. – М.: РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. – С. 58 – 69.
17. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. Книга V / Ж.-Ж. Руссо // Избранные сочинения в трех томах – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1961. – С. 545 – 711.
18. Соловьев В. Россия и вселенская церковь / В. Соловьев. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 233 – 524.
19. Толстой Л.Н. Крейцерова соната / Л.Н. Толстой // Собр. соч. в 12 т. – М.: Изд-во «Правда», 1987. – Т. 11. – С. 97 – 172.
20. Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ; под ред. А.И. Антонова. – М.: Грааль, 2002. – 176 с.
21. Уоллстонкрафт М. В защиту прав женщины / М. Уоллстонкрафт // Феминизм: проза, мемуары, письма. – М.: Прогресс, 1992. – С. 26 – 39.
22. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. – СПб.: Норма, 2008. – 328 с.
23. Эпштейн М. Отцовство: метафизический дневник. – СПб.: Алетейя, 2003. – 248 с.
24. Юлина Н.С. Феминизм: женщина, семья и общество / Н.С. Юлина // Очерки по философии в США. XX век. – Гл. 6. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 266 – 281.
25. Held V. Noncontractual Society: A Feminist View / V. Held // Gender. Key Concepts in Critical Theory. – Humanities Press International; Edited by Carol C. Gould. – Inc. 1997. – P. 261 – 271.